

ФИЛОСОФСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Лекции

Текст лекции призван помочь студентам и аспирантам ознакомиться с важнейшим направлением современной философии – философской герменевтикой, историей ее становления и развития от античности до наших дней. При рассмотрении таких проблем герменевтики, как вопросы о понимании, истолковании, интерпретации и смысле обращается внимание не только на их философское, но и общенаучное значение. Основное внимание уделяется раскрытию специфики решения герменевтических проблем на различных этапах философской мысли в европейской культуре.

Текст лекции предназначен для самостоятельной учебной и научной работы студентов и аспирантов, изучающих курс философии.

ВВЕДЕНИЕ

В современной европейской культуре философская герменевтика выступает в качестве одного из важнейших ферментов ее роста, побудителей интеллектуального движения и продуктивности. В целом философская герменевтика может интерпретироваться как своеобразный синтез нового историзма с философией культуры, возникший как специфический сплав интеллектуально-художественных исканий и прорицаний романтиков начала XIX в. с серией универсальных доктрин, родившихся на почве философии жизни и феноменологии.

Известно, что любой текст, рассказ, произведение искусства и, наконец, просто речь требуют истолкования, и без процедур, которые позволяют понять сказанное или написанное, мы вряд ли обходимся. Столь же очевидно и то, что данные процедуры могут быть и не тематизированы, а сам процесс понимания вполне может обойтись без четко очерченного дисциплинарного научного пространства. (Известный литературный персонаж месье Журден говорил прозой, не понимая этого.) Вместе с тем дисциплина, ставящая перед собой проблемы истолкования и интерпретации, т. е. выстраивающая определенный методологический и дисциплинарный горизонт, существует достаточно давно и именуется *герменевтикой*.

Изучение понимания текстов получило свое наименование, восходящее к Гермесу – вестнику богов, другу пастухов, воров, бродячих торговцев, богу удачи. Первоначально Гермес выступал как бог, указывающий путь, и дорожные указатели – гермы – символизировали собой те черты, которые действительно присущи пониманию: понять – означало найти правильное направление, пройти по пути, ведущему к продуктивному смыслу. Однако следует обратить внимание на то важное обстоятельство, что герменевтика как таковая и философски ориентированная герменевтика – достаточно отличные друг от друга проблемные области. В философской герменевтике речь идет не просто о выведении неких общих и возможно обязательных правил работы с текстом, не только о формулировании определенных процедур истолкования, но *о понимании, смысле и истолковании* **ВООБЩЕ**, как о фундаменте самих существующих процедур и правил. Поэтому современная философская герменевтика выходит за рамки проблематики, связанной с техниками и методологией интерпретации. Как отмечал один из основоположников герменевтики XX века Х.-Г. Гадамер, вопросы о кон-

кретной практике истолкования должны быть решены до того, как мы приступаем к собственно герменевтическому вопрошанию. По этой же причине сегодня мы имеем дело с *онтологизацией* герменевтики, а статус же герменевтики в общей конфигурации современного знания связан с тем, что проблема понимания является проблемой общей для любого научно-познавательного поля, идет ли речь о естественно-научной или гуманитарной сферах. Неслучайно сегодня говорят о литературной, юридической, богословской, исторической и прочих герменевтиках. Если определять герменевтику просто как текстовую работу, то ее можно обнаружить во всех бесчисленных исследованиях интерпретационного толка. Поэтому необходимо ориентироваться на то значение герменевтики, которую она получила благодаря работам таких мыслителей как Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер: в той или иной степени, но все они ориентировали герменевтику в ее развитии по направлению к онтологии. Здесь стоит добавить, что, разумеется, было бы неверным исчерпывать становление и развитие герменевтики лишь рамками немецкой школы. Аналогичные проблемы решались и решаются, хотя и в ином ключе, во французской (П. Рикер, М. Фуко, Р. Барт и др.) и англо-американской (Серль, Джеймсон, Рорти и др.) философии, ориентированной, в главной степени, на литературу и язык как дискурсивную практику.

В историческом развитии герменевтики можно выделить ряд этапов. Предыстория герменевтической проблематики уходит своими корнями во времена античности, когда вопросы об истолковании и понимании становятся актуальными. Так, уже Аристотель в своем труде «Об истолковании» связывал интерпретацию, как истолкование текста, с пониманием, которое трактовалось им в широком смысле как постижение знаков. *Hermeneia* у Аристотеля относится ко всякому значащему дискурсу, а точнее – сам значащий дискурс и есть *Hermeneia*, поскольку интерпретирует реальность даже тогда, когда в нем “просто” сообщается “что-то о чем-то”. У Аристотеля герменевтика существует постольку, поскольку высказывание – это овладение реальностью с помощью значащих выражений, а не сущность впечатлений, исходящая от самих вещей.

Традиционная герменевтика берет начало от эпохи средневековья, когда собственно зародилась и была регламентирована процедура текстовой герменевтики, статус которой обеспечивался привилегированным объектом этих процедур – библией. Статус Книги книг вызвал определенную

онтологизацию герменевтики, так как процедуры истолкования замещали не только необходимость обращения к данным опыта, но и любую научную деятельность (конечно, в современном ее понимании). Задачи, которые была призвана решать средневековая герменевтика, вытекали именно из особого статуса Священного текста, в котором была запечатлена вся, и целиком, истина. Необходимо не обращения к практике, опыту, ощущению, но только правильное истолкование того, что уже записано. Причем истолкование должно было, во-первых, устранять противоречия в самом текстовом массиве, что достигалось через отсылку к контексту с помощью символов и аллегорий; во-вторых, согласовывать реальность с текстом; в-третьих, согласовывать изменяющие условия жизни с теми текстами, которые были написаны в отличном по времени и культуре контексте. Таким образом, текст Священного писания обрастал комментариями, постановлениями Соборов, посланиями иерархов, канонических авторитетов и т. п.

Ренессансный гуманизм и немецкий протестантизм подготовили почву для освобождения герменевтики от религиозного догматизма. В начале XIX века, особенно в работах Фридриха Шлейермахера, герменевтика развивается как метод подхода к тексту вообще: герменевтика превращается в универсальное учение о понимании и истолковании. Именно Шлейермахер предложил рассматривать текст не как пространство выражения мыслей, но как выражение душевной жизни автора текста. Подобный «дрейф» в сторону психологизации процесса понимания исторически был обусловлен тем обстоятельством, что еще не существовало развитых семиотических средств, логико-семантических приемов и т. д. Вильгельм Дильтей, другой немецкий философ, видевший в герменевтике метод историко-гуманитарного познания, в отличие от познания естественно-научного, на основе идей Ф. Шлейермахера разработал свою концепцию описательной психологии как понимающей науки.

В первой половине XX века происходит ряд важнейших для судьбы герменевтики событий в философии: Эдмунд Гуссерль формулирует свой феноменологический метод, а его ученик Мартин Хайдеггер, совершив «онтологический поворот» в философии, осуществляет, по выражению Поля Рикера, «феноменологическую прививку» к герменевтике, тем самым существенно расширяя предмет философской герменевтики. Феноменология, не являясь собственно герменевтической дисциплиной, во многом обогатила герменевтику. Основой синтеза яв-

лялась традиционная формула: «понимание есть постижение смысла». Однако в традиционной герменевтике понятие «смысл» четко не определялось: смысл дан (явлен) как нечто внешнее, как идеальное и трансцендентное бытие, на которое и направлен герменевтический интерес. Иными словами, смысл рассматривался либо как нечто интуитивно ясное, либо же его понятие заимствовалось из других познавательных областей. Понимание, как постигающий акт, структурно состоит из познающе-осмысляющего разума и объекта понимающей деятельности, который может быть назван текстом. В данном случае «текст» предполагает самое широкое толкование: это – не только письменный источник, но и вся знаково-символическая информационная система произвольной природы, являющаяся результатом познавательно-созидательной деятельности. Текст в герменевтике рассматривался как «застывшая речь» (Ф. Шлейермахер), как «факт» (М. Хайдеггер). Текст – это своего рода зеркало, в котором запечатлены как субъективно-психологические особенности его автора, так и специфика эпохи и времени. Сам по себе текст есть продукт порождения языка как объективной реальности, норм и законов речевой деятельности, стиля мышления. Эта объективность преломляется в деятельности создателя текста, оставаясь предпосылкой, скрытым моментом предпонимания. Она очерчивает собой горизонт понимания, улавливания смысла, выход за который – есть удел немногих (тех, кого можно назвать творцами языка). Только они способны обрести свободу самовыражения. Когда же языковое сообщество усваивает новое, тогда горизонт вновь смыкается.

Для герменевтической проблематики важным является момент того, что язык имеет независимое, внешнее бытие; он оказывает давление на человека («язык говорит нами», по словам М. Хайдеггера), порождается внешней необходимостью общения и «чисто внутренними потребностями человека» (Г. Шпет). Язык одновременно и развивает мир человека и содержит в себе мировоззренческое ядро: последним единством языкового сознания является культурное сознание. «Такие обнаружения культурного сознания, как искусство, наука, право и т. д., – не новые принципы, а модификации и формы единого культурного сознания, имеющие в языке архетип и начало. Философия языка в этом смысле есть принципиальная основа философии культуры» (Г. Шпет). Язык – это не просто достояние автора текста или субъекта речи, но то, что имеет отношение к миру вообще, поскольку мир является своего рода текстом. В XX веке инструментализм герменевтики становится онто-

логическим: понимание — это не столько один из способов человеческого мышления, но прежде всего выражение подвижности, временности и изменчивости человеческого бытия в мире. Иными словами говоря, человек обречен понимать мир, истолковывать его тем или иным образом, поскольку культура — есть способ полагания смысла.

Когда люди вступают в диалог друг с другом, когда одна культура пытается понять и оценить другую, им всегда приходится бороться с искушением интерпретировать поведение других в рамках собственной субъективности. Так, например, Ф. Шлейермахер различает в качестве причин неверного понимания пристрастность и поспешность. Он обращает свое внимание на предрассудки, которые основаны на пристрастности, и мгновенные ошибочные суждения, вызванные поспешностью. Чтобы избежать этого, собеседник (читатель) с самого начала должен поставить перед собой вопрос о том, как выйти из сферы собственных предпочтений и предмнений. Однако вполне возможно согласиться и с Х.-Г. Гадамером, полагавшим, что позиция «нейтралитета» исследователя или его «самоуничтожение» малоэффективны. Тот, кто стремится к пониманию другого, должен быть готов к *открытости*. (Народная мудрость гласит: «Понять — значит простить»). Если мы помним о неизбежной собственной предвзятости, то другой проявится в своей «друговости», «инаковости» и получит возможность противопоставить свою фактическую истину нашим собственным предмнениям. Это — правило герменевтики.

Другое правило можно сформулировать, ознакомившись с работой М. Хайдеггера «Бытие и время», где он конкретизирует свои общие суждения о герменевтической проблематике. Согласно автору, путь герменевтического познания должен быть свободен от произвола озарений и ограниченности незаметных привычек мышления; он должен быть сосредоточен на «самых фактах». В данном случае речь идет о том, чтобы придерживаться фактов вопреки всем искажающим воздействиям, которые исходят от самого исследователя. Вместе с тем открытость в диалогике никогда не бывает безграничной, и здесь важно увидеть ту грань, которую в герменевтике принято называть *горизонтом* вопроса. Вопросающий о смысле, стремящийся к пониманию другого должен, по необходимости, обращаться к чему-то, лежащему за сказанным в диалоге: должен выйти за пределы *уже* сказанного. Но, с другой стороны, диалог не может при этом уйти в пустоту, в «дурную бесконечность» (Г. Гегель). Горизонт указывает на «развилку мнений», фиксирует не-

сомненные предпосылки, где основания в пользу одного решения соперничают с основаниями в пользу другого. Тем самым горизонт с самого начала задает направление диалогу, исследованию, чтению и т.п. Именно на этом основана связь между вопрошанием и знанием.

Поскольку процесс понимания осуществляется не только в условиях ясно осознаваемых факторов, но и под воздействием неосознаваемых и даже бессознательных сил, постольку логика герменевтического понимания призвана интерпретировать нерациональные моменты. Различные исследователи предлагали разные гипотезы: «архетипы» (К. Юнг), «типы духовных укладов» (Г. Г. Шпет), «пред-мнения» и «пред-понимание» (М. Хайдеггер), «предрассудки как условия понимания» (Х.-Г. Гадамер). Попытка рационализации нерационального – одна из важнейших задач, стоящих перед герменевтической практикой, и, для того чтобы оставаться строгой, герменевтика, по замечанию М. Хайдеггера, непременно должна быть неточной: лишь в горизонте постоянной изменчивости выясняется полнота частных фактов.

Принципиальной структурой истолкования в философской герменевтике является так называемый «герменевтический круг», который указывает на реальные проблемы процесса понимания. Действительно, если человек понимает нечто абсолютно, тем самым диалог «закрывается», становится ненужным, но, с другой стороны, столь же ненужным он оказывается и в случае «абсолютного непонимания». Иными словами, человеческое понимание мира носит характер своеобразной «диалектической игры»: чтобы понимать, необходимо быть в ситуации непонимания, а чтобы понимать, необходимо уже понимать. В герменевтическом круге данное правило выражается следующим образом: целое следует понимать исходя из частного, а частное – из целого. Данное правило было выработано еще античной риторикой, а в Новое время оно было перенесено из ораторского искусства в искусство понимания. В современной философской герменевтике онтологический смысл герменевтического круга выразил Х.-Г. Гадамер в работе «Истина и метод»: «круг не формален по природе, он не субъективен и не объективен, но он описывает понимание как игру между движением традиции и движением интерпретатора». Если процесс понимания постоянно переходит от целого к части и обратно к целому, то задача субъектов диалога заключается в том, чтобы концентрическими кругами расширять единство смысла, его целостность: «соответствие всех частных целому суть критерий правильности понимания» (Х.-Г. Гадамер).

В строгом смысле слова герменевтическими учениями можно считать только те, в которых смысловой анализ языка есть главный предмет философии. Однако сам смысл языка, его содержание и природа понимаются самым различным образом, в соответствии с теми или иными философскими традициями. Сегодня мы имеем дело с целым спектром различных решений реальных проблем человеческого понимания мира в целом. И любая герменевтическая концепция в своем становлении должна рассматриваться в контексте определенного философского течения.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА ФРИДРИХА ШЛЕЙЕРМАХЕРА

Универсальная герменевтика Ф. Шлейермахера (1768–1834) – это поворотный пункт в истории философской герменевтики. Именно он впервые поставил вопрос об общих предпосылках любой частной или специальной герменевтики, поставил своей целью выявление принципов и закономерностей процесса понимания. При этом Шлейермахер исходил из того факта, что понимание носит универсальный характер в культурной жизни человека, а потому и герменевтика должна быть столь же универсальной.

Шлейермахер, делая понимание предметом герменевтики, прежде всего интересуется тем, как оно вообще возможно, каковы те условия, которые необходимы для этого. Основой понимания является сходство и различия «человеческих индивидуальностей», т.е. сходство и различие между автором текста и читателем или между двумя собеседниками. Если бы между субъектами коммуникации не было различий, то смысл текста или речи улавливался бы непосредственно. И наоборот, если участники диалога абсолютно чужды друг другу, то не существовало бы никаких исходных посылок для понимания. Таким образом, понимание конституируется двумя моментами: моментом общности или родственности и моментом «чужеродности». Отношение «чужеродное – родственное» универсальным образом определяет человеческое общение и, следовательно понимание. Данное отношение – необходимое условие понимания, а среда, в которой протекает диалогический процесс – это язык.

Шлейермахер стремится обосновать взаимную обусловленность языка как общего и человека как частного: они в равной степени воздействуют друг на друга. С одной стороны, язык имеет власть над человечес-

кой индивидуальностью, с другой – мыслящий субъект индивидуализирует общий язык, трансформируя его в язык особенный. Философ констатирует зависимость человека от языка: человек себя «преднаходит» в языке, а потому нормативность языка, его тождественная стабильность ограничивают и определяют и мышление человека, и его речь. Однако носитель языка всегда «стихийно» сопротивляется власти языка, и поэтому между ними всегда существует ситуация некоторой напряженности, в которой язык и субъект языка попеременно играют как активную, так и пассивную роль. Это, в свою очередь, определяет и существование двух способов понимания.

Понимание имеет две формы – грамматическую и психологическую. Грамматическое понимание исходит из «духа языка», а психологическое – из «души говорящего». Следовательно, само искусство понимания – есть процесс проникновения как в дух языка, так и в индивидуальное своеобразие писателя. Обе формы понимания неразделимы, и этот тезис является краеугольным в учении Ф. Шлейермахера.

Исследуя понимание как универсальный феномен человеческой жизни, Шлейермахер выделяет в нем три ступени: повседневное (механическое и бессознательное), специальное (основанное на более или менее случайных обобщениях), высшее (где понимание – есть искусство). Герменевтика как искусство – это не совокупность отдельных наблюдений, а целостная система правил, покоящихся «на ясных принципах, непосредственно вытекающих из природы мышления и языка». Как и всякому искусству, по мнению Шлейермахера, пониманию возможно научиться: изучить систему правил и систематически их применять.

Как грамматическое, так и психологическое истолкования представляют собой реконструирование определенного конечного смысла из неопределенного бесконечного, так как язык как таковой и человек сам по себе – суть неисчерпаемые, открытые и бесконечные целостности. Вместе с тем в каждом конкретном речевом акте они ограничивают друг друга, взаимопределяются. Вследствие этого и возникает некая определенная конструкция – речь, произведение и т. д., в которой всегда сохраняется момент незавершенности и неопределенности. Другими словами, Шлейермахер настаивает на том, что ни язык, ни человек не могут быть предметами «полного знания», а потому герменевтика – это не наука, а искусство: понимание требует не только знания правил, но творчества и таланта у герменевта. «Языковой талант» Шлейермахер подразделяет на *экстенсивный* и *интенсивный*. Экстенсивный талант –

это способность постигать различные между собой языки, сравнивая их в специфических особенностях. Талант интенсивный – это способность улавливать то, как внутренний мир языка связан с мышлением.

Отмечая всеобщий характер истолкования, Шлейермахер считает, что человеческая речь – это искусство, хотя для герменевтики один тип речи имеет нулевое значение (например, обыденные разговоры о делах и о погоде), а другой – максимальную ценность (например, речь оригинальная и своеобразная, но также и классическая речь). Абсолютное же значение имеет та речь, в которой обнаруживается тождество оригинальности и классичности (к таковым, в частности, философ относил речи древнеримского философа и оратора Цицерона, хотя и отмечал, что речи его в большей степени классичны, чем оригинальны). Любопытно, что Шлейермахер полагал, что если герменевт имеет дело с классическим писателем, то психологическое истолкование его текстов в принципе излишне, но если же писатель не является классиком, то к пониманию его текстов следует подходить не с грамматической, а с психологической стороны.

Герменевтика как искусство имеет прежде всего практический характер. В структуре данной практики присутствуют два фактора – дивинационный (субъективный, пророческий, интуитивный) и исторический (объективный, сравнительный). Эти два полюса понимания не могут и не должны отделяться друг от друга. Если дивинационное понимание носит спонтанный и логически необъяснимый характер, возникает как результат «вчувствования», «вживания» в субъективный мир другого человека, то историческое понимание носит аналитический, рациональный характер. Аналитическое понимание базируется на строго объективных фактических, грамматических и исторических данных, приводимых в определенную связь с помощью сравнений и аналогий.

Для того чтобы процесс понимания мог начаться, необходимо, по мнению Шлейермахера, «разорвать» герменевтический круг. По этой причине философ называет круг понимания «мнимым кругом». Понимание всегда начинается с целого, которое имеет безусловное преимущество перед частным, являясь его необходимой предпосылкой. Для целостного понимания вполне достаточно такое знание частного, которое вытекает из общего знания человеком языка. Тем не менее, вся процедура понимания носит бесконечный характер, двигаясь от дивинации к сравнению и наоборот: понимание никогда не является полным и завершенным, окончательным и абсолютным.

Необходимым условием осуществления герменевтической процедуры у Шлейермахера является своеобразное «уравнивание» позиций исследователя и автора. И с объективной, и с субъективной стороны исследователь должен встать на позицию автора: сравняться с последним и в знании языка (объективная сторона), и в знании его внутренней и внешней жизни (сторона субъективная). Исходя из самого сочинения, как отмечал философ, вполне возможно ознакомиться со словарным запасом автора, а также с «его характером и его обстоятельствами». Это требование означает, по сути дела, что важнейшей предпосылкой улавливания смысла текста является устранение исторической дистанции между текстом и его исследователем. Следствием такого подхода можно считать то, что понимание, эмансипированное от исторических особенностей текста, совершается каждый раз заново и индивидуально. Более того, понимание речи или текста иногда лучше, чем у самого автора. Здесь многие последующие теоретики герменевтики усматривали специфический поворот от просветительской философии к романтизму, от философской критики – к филологическому искусству истолкования.

В своей работе «Компендиумное изложение 1819» Ф. Шлейермахер формулирует семь правил психологического истолкования, называя их «техническими». Первое правило говорит о том, что и психологическое, и грамматическое истолкования должны обязательно начинаться с общего обзора, чтобы уяснить единство произведения и основные черты его построения. Здесь под единством понимается тема как принцип, которым автор руководствуется, а черты построения – своеобразие формы раскрытия темы. Второе правило заключается в необходимости применения в истолковании герменевтического круга, поскольку любая часть текста допускает то же самое рассмотрение, что и весь текст в целом. Третье правило понимания требует как можно более совершенного понимания стиля. В стилистике произведения всегда отражается взаимопереход мысли и языка, но в понимании стиля, утверждает Шлейермахер в четвертом правиле, достигается только приблизительно. Пятое правило определяет в качестве основной предпосылки истолкования уравнивание позиций автора и исследователя: необходимо представлять как общую картину эпохи создания произведения, так и особенности индивидуальной биографии автора текста. Шестое правило говорит о необходимости использования в процессе понимания дивинационного и сравнительного методов. Дивинация указывает на творческую актив-

ность герменевта, а сравнение требует учета фактов. Любопытно, что Шлейермахер определяет способность к дивинации как женскую особенность мышления, а сравнение – как чисто мужскую. Седьмое правило дает возможность к улавливанию идеи произведения. Эту идею следует определять только объединяя между собой два момента – материал (содержание) и круг действия (адресата произведения). Однако цель произведения лежит за его границами и чаще всего определяется характером того круга людей, для которых оно пишется.

В практике понимания, согласно концепции универсальной герменевтики, следует соблюдать определенную последовательность. Следует начинать герменевтическую работу с исследования замысла автора, так как именно он задает единство произведения и направленность в его развитии. В основе всякого текста содержится внутреннее ядро (внутренняя форма), в котором в свернутом, потенциальном виде находятся мысли автора и из которого они развертываются. Внутренняя форма находится в сущностном взаимодействии с личностью автора, взятой в тот или иной момент его жизни. Следующая ступень понимания – переход к технике интерпретации. Свобода авторского самовыражения ограничена как законами мышления и его формами, так и законами изображения. Иначе говоря, всякий автор с необходимостью следует некоторому методу, и творческий импульс автора текста подвергается методическому опосредованию, ограничению и конкретизации, а не проявляется как таковой.

Шлейермахер рассматривает данную методическую конкретизацию в двух аспектах: со стороны медитации и со стороны композиции. В первом случае в центре внимания оказывается сам процесс становления замысла и перехода из озарения и намерения в уже определенную мыслительную форму, а во втором – исследователь должен обратить внимание на внешнюю, объективную реализацию идеи, на ее выражение в определенном жанре и стиле.

Таким образом, Шлейермахер исходил из того, что в понимании наличествует единство двух составляющих, одна из которых субъективна и исходит от автора, стремящегося к самовыражению, а вторая – объективная и проистекает из материала, облекаемого в ту или иную форму. Единство этих составляющих противостоит автору, поскольку под давлением формы исчезает его самобытность, но все то, что выходит за рамки этого «диктата формы», указывает герменевту на своеобразие авторского языка и мышления. Можно сказать, что чем более форма и содержание тек-

ста тождественны, тем больше слабо выраженной является личность автора. Самобытность субъекта языкового поведения проявляет себя в замысле и решении создать то или иное произведение. Само же создание с необходимостью подчиняется литературной форме (письмо, мемуары, роман, диалог и т. д.), которую человек избирает. Интересно, что в данном случае только неопределенности в тексте помогают исследователю судить об авторской самобытности и индивидуальности.

Универсальная герменевтика Ф. Шлейермахера оказала продуктивное воздействие прежде всего на Вильгельма Дильтея (1833–1911), который на ее основе попытался найти теоретические основания для наук о духе, поскольку только на основе переживания и понимания возможно познание истории культуры и человека.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА ВИЛЬГЕЛЬМА ДИЛЬТЕЯ

Предварительно стоит отметить, что на концепцию В. Дильтея оказала влияние не только философия Ф. Шлейермахера, но и некоторые идеи критической философии И. Канта, философия Г. В. Ф. Гегеля, натурфилософские изыскания Гете (последнего Дильтей называл своим первым учителем). Но именно герменевтика выступает для него тем методологическим рычагом, с помощью которого он строит свое понимание наук о духе и исторического сознания.

Разграничение наук о духе и естественных наук было подготовлено в европейской философии задолго до Дильтея, он лишь усиливает герменевтический настрой первых, стремясь осуществить критику исторического разума (по аналогии критики теоретического разума, проделанной Кантом). Дильтей определяет герменевтику как специфическую науку, как такую область научного познания, в которой отдельной личности раскрывается ее жизненный мир, смысл и цель жизни. Значение герменевтики в данном аспекте обусловлено особым характером такого объекта, как жизнь индивида в качестве психофизического целого. В индивиде можно обнаружить все те элементы, из которых состоят как общество, так и история.

Таким образом, герменевтика, исповедуя принцип подходить к жизни «как она есть сама по себе», опирается на индивидуальное сознание, на способность человека переживать психологические связи и понимать их в другом. Главное состоит в том, чтобы найти адекватное

переживание через сопереживание и сопонимание, из которых и складывается как знание истории, так и знание современного социального и культурного бытия. Дильтей, выдвинув тезис о том, что естественно-научный разум основан на необходимости совершать процедуру объяснения своего объекта, видит основное преимущество разума исторического – в необходимости понимания, поскольку его предметом выступает не чувственная вещь, не эмпирическая реальность, но «внутренняя действительность, а это и есть внутренне переживаемая связь». В данном случае понятие «понимание» отлично от понятия «познание»: понимание всецело обусловлено индивидуальной способностью человека к истолкованию, которое всегда связано с актом сопереживания. Но подняться от субъективного переживания до объективного понимания человек способен только при помощи системы знаков, посредством которых чувственно данное извне переводится во внутренний план личности.

Иными словами говоря, В. Дильтей под пониманием, которое находит свое завершение и объективность в истолковании, подразумевает такой процесс, в котором с помощью знаков познается психическое. Понимание тем объективнее, чем глубже интерес к его предмету, чем «напряженнее внимание к нему».

Герменевтическая функция философии Дильтея подчеркивает значение языка как той области, где история находит свое исчерпывающее выражение (особенный интерес философ испытывает к языку поэзии, так как именно поэты – «большие мастера истолкования»). Можно, в данной связи, отметить, что герменевтика у Дильтея – это мост от философии к искусству, на котором происходит их встреча, взаимопереплетение мировоззренческих и методологических функций.

Несмотря на различия между «понимающими» науками и науками «объясняющими», в дильтеевской исторической герменевтике понимание есть методологическое ядро «новой гносеологии». Иначе говоря, философ превращает категорию понимания в ключевую для теории познания, так как именно понимание определяет как познавательные возможности индивида, так и границы исторического разума наук о духе. При этом Дильтей настаивает на тождестве таких терминов, как «понимание», «интерпретация» и «истолкование».

Одной из основных задач современной ему философии Дильтей считал задачу разработки проблем логического обоснования герменевтики. Для этого необходимо, с его точки зрения, наполнить категории науки

логики новым, герменевтическим, содержанием. Таким логическим операциям, как индукция и дедукция, анализ и синтез, сравнение и аналогия и т. д. в сфере наук о духе придается иной статус, чем в естественных науках. Например, Дильтей, рассматривая индукцию, пишет, что основные ее положения наличествуют уже в элементарном чувственном опыте и выявляются в любом научном познании связей исследуемого объекта; эта связь, однако, всегда обнаруживает себя различно: в физико-математических науках она выступает «как знание количественных отношений», а в науках о духе – как знание «структуры душевной жизни». В последнем случае данная связь проявляет себя уже не как логическая абстракция, а как жизнью данная, реальная связь, с которой спадает покров формальной абстрактности и она наполняется субъективным содержанием.

В процессе герменевтической практики также образуются и новые логические категории (например, понятие «внутренняя форма»). По Дильтею, проникновение в духовную и историческую реальность связано с необходимостью ее отождествления с внутренним переживанием, которое освобождает духовно-исторический объект от его внешней формы. Внешняя форма предмета переходит во внутреннюю индивидуально и различно у каждого интерпретатора: у поэта – как творческая способность, у философа – как связь воззрений на мир и жизнь, у практиков – как целевое отношение к реальности и т. д. Поэтому свой герменевтический метод Дильтей называет «методом творческой гениальности», в котором сливаются познание, истолкование, объяснение, но при этом отличаются между собой по степени понимания. Сами же герменевтические процедуры философ считал «бесконечной задачей», как и Ф. Шлейермахер.

Общетеоретические воззрения В. Дильтея нашли свое воплощение в его концепции описательной психологии, в которой герменевтика исполняла ключевые методологические функции. Задача описательной психологии заключается, по Дильтею, не в объяснении законов психической деятельности, но в описательной психике, ее расчленении и в герменевтическом анализе каждого фрагмента этой расчлененной целостности. Одним из основных пороков и недостатков традиционной психологии Дильтей считал ее методологическую ориентацию на естественные науки: что помешало ей разработать собственные подходы к пониманию психической жизни, во-первых, а во-вторых, подобно естествознанию, психология аргументировала свои положения причинно-

следственными связями, тогда как, по убеждению философа, психические процессы детерминированы теологически. «Современная психология – это учение о душе без души»: то, что переживается душой, «никогда не может стать ясным для разума».

Дильтей допускает в психологии логико-партийный анализ, но лишь в качестве сопутствующего, а не конституирующего момента. Во внутреннем опыте, согласно Дильтею, множество жизненных факторов сливаются в нерасчленимое единство, которому нет аналогии в природной реальности. Внутренний опыт, поэтому, схватывается только в переживании, примерами которых могут служить литература, поэзия, художественное творчество, и исследователь должен обладать герменевтическим искусством интуиции, чтобы проникнуть в мир внутреннего опыта творца.

В общей структуре душевной жизни Дильтей выделяет три сферы: интеллект, побуждения и чувства, волевые действия. В описательной психологии разум рождается из жизненного чувства и подчиняется волевым действиям. Воля в герменевтическом описании является решающей движущей силой исторического развития. Чувства, желания, воля побуждают историю к движению, придают жизни целесообразность. Для Дильтея, целесообразность – это атрибут жизни, устремленной ко всей полноте своих проявлений. Философ подчеркивает особо, что целесообразность носит субъективный и имманентный характер: субъективный, так как она дана нам во внутреннем опыте и переживается, и имманентный, так как она не основана ни на каком лежащем вне ее принципе или идее. По этой причине истолкование жизненных явлений тоже носит теологический характер и, помимо этого, понимание всегда несет на себе ценностную окраску. Понимание должно ориентироваться на те ценности, которые вписывают индивида в его жизненную структуру, в те социально-исторические отношения, за пределы которых невозможно выйти. Основопологающей ценностью для человека является «полнота жизни», богатство той действительности, которая его окружает, которую он чувствует и переживает.

Описательная психология Дильтея имеет и непосредственное отношение к критике исторического разума, где она выступает как важное средство герменевтического описания. Поток исторического развития – это «история жизни души», развитие душевной структуры на основе отношений целесообразности и ценности. Критика исторического разума у Дильтея была призвана рассеять «туман объективных исторических законов» с помощью герменевтики и описательной психологии,

показать, что жизнь невозможно втиснуть ни в какие теоретические схемы: «в жилах познающего субъекта, сконструированного Локком, Юмом и Кантом, течет не реальная кровь, а разжиженный флюид разума как результат чистой мыслительной деятельности» (В. Дильтей).

Разработка Дильтеем проблем философии истории, описательной психологии на базе герменевтики высоко оценивалась не только его сторонниками, но и оппонентами. В поздний период своего творчества Дильтей, ознакомившись с идеями феноменологической философии Э. Гуссерля, несколько отошел от абсолютизации своих идей в отношении исторического познания, но развернутую критику психологизма в герменевтике осуществили уже в XX веке, когда она, благодаря работам М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера, существенно расширила пространство герменевтического интереса.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Статус философской дисциплины герменевтика, как уже отмечалось, получает в XX веке, хотя лишь у немногих философов она может квалифицироваться в качестве собственно герменевтики (пожалуй, наиболее ясно этот вопрос может быть определен в отношении исследований немецкого философа Ханса-Георга Гадамера, французского философа Поля Рикера и ряда других мыслителей). Современная герменевтика – разнплановое, богатое и противоречивое направление в истории мышления.

На те изменения, которые происходили в герменевтике на протяжении целого столетия, повлияли такие новые направления в философии, как, например, феноменология, о чем уже говорилось, экзистенциализм, философская антропология, в огромной степени на судьбу герменевтики повлияла лингвистическая философия Л. Витгенштейна (особенно его теория языковых игр) и ряд других философских и научных течений. Однако, несмотря на всю пестроту предлагаемых решений тех или иных проблем, несмотря на дискуссии и полемику, ведущиеся в философии сегодня, проблемы, о которых говорилось ранее, сохраняют свою актуальность и не утратили своей неоспоримой фундаментальности.

На поворот герменевтики от психологизма и некоторого гносеологизма повлияли две идеи феноменологии Э. Гуссерля: идея неотделимости предмета сознания от сознания предмета и идея «жизненного мира», того, что предпослано классическим дихотомиям теории позна-

ния (например, объекта и субъекта). Сознание – есть поле значений и смыслов, и именно это дает перспективу для интерпретаций, хотя для Гуссерля интерпретация все-таки остается вторичным актом в сравнении с философской рефлексией, поскольку в истолковании своих смыслов сознание нуждается не в текстах и языке, а в обращении на самое себя. Тем не менее, определенная радикализация этих идей учеником Гуссерля Мартином Хайдеггером существенно расширила горизонт герменевтического вопрошания. Для Хайдеггера основным становится вопрос не об условиях мыслимости сущего, но об условиях его бытия и смысле бытия. В данном случае единственным существом, способным спрашивать о смысле, выступает человек, а потому герменевтика трансформируется в онтологическое исследование бытия человека в мире. Фундаментальная онтология Хайдеггера, рассматриваемая в аспекте герменевтики, призвана выявить онтологические параметры бытия в мире, т. е. прояснить те условия, при которых человеческое существование может быть тем, что оно есть. Человеческое бытие изначально герменевтично, и понимающее истолкование – есть основной модус, каким человек осуществляет себя в мире. Теперь для герменевтики основополагающим становится не проблема того, как субъект и благодаря чему может что-либо понять, а того, как устроено то сущее, бытие которого и заключается в понимании.

Подход М. Хайдеггера имел для герменевтики важнейшие последствия, так как в нем герменевтика из методологии понимания превращалась в онтологию, самопрозрачности сознания была противопоставлена непрозрачность понимания и языка и, что немаловажно, человеческое бытие в мире рассматривалось как уже определенным образом проинтерпретированное, а не «чистый объект» для познавательных актов.

Идеи Хайдеггера были привнесены в герменевтику его учеником Х.-Г. Гадамером (1900–2000), и во многом благодаря этому сегодня он оценивается как основоположник философской герменевтики. Для Гадамера герменевтика – это не столько теория и методология, сколько конкретная практика, реализующаяся как осмысление некоего текста, не имеющая вне этой деятельности смысла и ценности. Герменевтика представляет собой в общем и целом именно философию понимания и в некотором смысле выходит за пределы текстовой работы. Гадамер отрицает дильтеевское разделение наук понимающих и объясняющих, по-

тому что понимание – это и способ человеческого существования вообще, и вся совокупность человеческого знания о мире.

Здесь, в качестве отступления, стоит заметить, что по этому вопросу многие исследователи полемизировали с патриархом герменевтики. Так, например, итальянский философ Эмилио Бетти настаивал на том, что герменевтика является прежде всего методом, а понимание прежде всего – проблема гносеологическая, а не вопрос онтологии или метафизики. Объектом понимающей деятельности могут быть только значащие формы, а сама эта деятельность носит триадический характер: она требует – рскогнитации (узнавания), рспродукции (воспроизводства), нормативности (применения). Этому соответствуют и процедуры истолкования: автономия объекта исследования, который обладает своей иммантной логикой, когерентность – объект должен воспроизводиться во всей целостности внутренних взаимосвязей и актуальность, т. е. включенность в интеллектуальный горизонт самого исследователя. По мнению Э. Бетти, только это способно освободить историческое познание от произвола и субъективных предпочтений.

Известно, что сам Гадамер с интересом относился к критике Э. Бетти, а потому конкретизировал понимание и герменевтическую практику как «опыт». Дело заключается в том, что действительность познается нами, но, кроме того, она жизненно-практически «испытывается» человеком: совокупный опыт бытия человека в мире включает в себя многообразные непосредственные (например, жизненный опыт) и опосредованные опыты (например, опыт науки, опыт искусства). Многообразие опыта сводится в единый опыт мира благодаря языку. Точнее говоря, язык и есть тот механизм, с помощью которого формируются опыты. Язык задает человеку некоторые исходные схемы, позволяющие ему ориентироваться в мире еще до того, как мир постигается в рациональных понятиях.

Допонятийные способы понимания мира Гадамер обозначает как «предпонимание», лежащее в основе всякого теоретического познания. В предпонимании философ описывает такие моменты, как: предмнение, предусматривание, преднамерение и т. д. Важно, что мыслитель, желая показать обусловленность рефлексивно-теоретического освоения мира допредикативными формами знакомства с ним, в качестве одной из основных форм выделяет «предрассудок», делая его одним из главных понятий своей философской концепции. Тем самым Гадамер по сути вступает в полемику с классической рационалистической филосо-

фией: предрассудки, от которых философия и наука традиционно стремились очистить сознание, наделяются Гадамером позитивным значением, поскольку человек – существо, у которого есть традиции и его существование принципиально исторично: в какой ситуации исторически человек себя «застает в мире», в какой традиции – таково его понимание. Человек не способен встать на точку зрения некоего внеисторического, трансцендентального субъекта и беспристрастно взирать с этой точки зрения на мир.

Таким образом, укорененность человека в традиции, причастность ее к историческому бытию – есть онтологическое условие понимания, аутентичным же способом понимания является язык. Гадамер, в противовес идеям классической текстовой герменевтики, отрицает нетождественность таких герменевтических процедур, как истолкование и применение, и утверждает их единство: не бывает непонимающего истолкования и неистолковывающего понимания, и, кроме того, понимание невозможно без применения, т. е. соотнесения себя с культурным и мыслительным опытом современности. В данной связи «предрассудки» исследователя способствуют пониманию, а не препятствуют ему, позволяя максимально заострить инаковость текста по отношению к интерпретатору, способствуя исторической трансляции опыта из поколения в поколение, обеспечивая преемственность истории. Иначе говоря, истолкование не содержит в себе задачи уяснения авторского замысла как исключительной задачи, но требует создавать смысл каждый раз заново, превращая понимание не просто в методику, а в событие жизни для того, кто «встретился с текстом».

Внимание Гадамера к традиции и истории не означало, что герменевтик «совершает крен» в сторону культурологического знания. Сам философ полагал, что диалог с традицией – самостоятельный источник философии. В умении вести такой диалог Гадамер видел ценность философии Хайдеггера.

В 70-е гг. широкий резонанс в европейской философии, приведший к настоящему «герменевтическому буму», вызвала полемика Ю. Хабермаса и К. О. Апеля с Х.-Г. Гадамером. И Хабермас, и Апель в некотором смысле в своих теоретических размышлениях реставрируют отвергаемый и Хайдеггером, и Гадамером трансцендентализм. Так, например, Карл Апель ставит философскую герменевтику на службу философии синтеза, где герменевтике отводится роль средства анализа априорных условий межчеловеческой коммуникации. Юрген Хабермас, разрабатывая

концепцию коммуникативной рациональности, ограничивает притязания герменевтики на универсализм, полемизируя с теорией «предрассудков» Гадамера, отстаивая эффективность рационально-рефлексивных составляющих для понимания. Если для Апеля герменевтика – только один из возможных аспектов трансцендентальной прагматики, то для Хабермаса она – интегративный момент его теории коммуникативного действия. В некотором смысле данная полемика не утихла до сих пор и ее результаты, способные изменить суть философской герменевтики, еще рано определять, хотя, вне сомнений, интеграционные процессы нарастают, что, видимо, имеет объективный характер и вписывается в логику современного развития философского знания.

Философская концепция Поля Рикера, как уже было отмечено, в отличие от философии Хабермаса, может быть достаточно точно названа герменевтикой. Более того, в герменевтических исследованиях французского философа нашли свое воплощение интеграционные процессы, о которых только что говорилось. На развитие философского учения этого мыслителя оказали влияние самые разные направления и течения в истории мысли: персонализм Бергсона, онтология Хайдеггера, феноменология Гуссерля, психоанализ, философия языка Витгенштейна, теория структурно-семиотического анализа и т. д. Часто, поэтому, Рикера обвиняют в методологической «всеядности» и эклектизме. Однако сам Рикер вряд ли согласен с такой оценкой, так как то, что он понимает под герменевтикой, есть в первую очередь критический анализ всех возможных методов интерпретаций: например, герменевтика «схватывания смысла» М. Хайдеггера никогда не сможет обойтись, с его точки зрения, без герменевтики психоаналитической расшифровки символов. Поэтому первостепенной задачей философской герменевтики является как можно более четкое определение сферы применимости различных методов интерпретации и «герменевтических систем».

Рикер уделяет большое внимание именно методологической функции герменевтики. Условия возможности понимания могут быть выявлены на трех уровнях: семантическом, где исследуются знаково-символические образования, рефлексивном – имеющем отношение к мыслящему субъекту, который, что важно, никогда не бывает «прозрачным», на экзистенциальном – на котором как раз и возникают «конфликты интерпретаций», потому что способ существования интерпретатора определяет используемую систему герменевтического истолкования.

Исходя из этого философ утверждает, что нет и не может быть универсальной теории понимания.

Самым фундаментальным для философии понятием Поль Рикер считает «личность»: личность – это то место, где рождаются значения, культурные смыслы. Называя свой метод регрессивно-прогрессивным, Рикер, опираясь также на идеи своего соотечественника Мишеля Фуко, ставит перед герменевтикой задачу проявить «археологию субъекта», укорененность личности в бытии. Пределом философской регрессии в археологические глубины личности (Рикер здесь использует психоанализ, настаивая на его герменевтическом характере) он считает изначальную волю индивида к бытию. Воля к бытию связана с переживанием и осознанием возможности небытия. Прогрессивный же анализ соотносится с человеческим духом, где источник смысла расположен не, как в археологии, за субъектом, но перед субъектом. В данном отношении Рикер вступает в сферу религиозной философии, поскольку человек в своем понимающем бытии устремлен к священному, которое задает жизни и истории эсхатологическую направленность.

Поскольку восприятие человеком мира, его желания, намерения, побуждения «проговариваются», постольку культура имеет языково-символический характер. Под символом Рикер понимает всякую структуру значений, в которой один смысл, будучи прямым и буквальным, при помощи добавочного обозначает другой смысл – косвенный и иносказательный. Символическая функция – это главная функция языка, и, хотя язык олицетворяет вторичное понимание мира, все же только с его помощью можно понять то, что ему предшествует.

Сегодня Поль Рикер, признав свою символическую герменевтику узкой и недостаточной, перешел в своей философии к анализу культурных текстов, считая истолкование первичным способом включения индивида в культурный мир, рассматривая человека как деятельное существо, осуществляющее этой деятельностью связь времен, народов, культурных смыслов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В своей знаменитой работе «Истина и метод» Х.-Г. Гадамер отметил, что «философская герменевтика включает философское движение нашего столетия, преодолевшее одностороннюю ориентировку на факт науки...». Действительно, понимание современного историко-философского процесса, взятого как в своих истоках, так и рассматриваемого с позиции перспектив, невозможно без учета события философской герменевтики. Конечно, герменевтика, как и всякое философское (и не только философское) учение подвергалось и подвергается критике, однако сам факт этой критики указывает на то, что представители философской культуры сегодня столь же остро относятся к кругу герменевтических проблем, как и их предшественники. Вопросы смысла, понимания, ценностей сегодня столь же актуальны, как и тысячи, сотни и десятки лет назад. Думается, что они всегда таковыми и останутся, так как человек обречен на стремление к пониманию как традиции, так и современности, к улавливанию смысла будущего, к поиску направления своего исторического бытия в мире, и, в конечном итоге человек всегда будет озабочен собой и своим присутствием в мире. Философская герменевтика – лишь одна из возможных форм, которая стремится помочь людям «сладить» с их жизненным миром, чего невозможно достичь без понимания.

Библиографический список

1. *Богданов Е. В.* Проблема языка в современной западноевропейской философии: Метод. указ./ГУАП. СПб., 1999. 20 с.
2. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 700 с.
3. *Малахов В. С.* Концепция исторического понимания Г.-Г. Гадамера// Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1987. С. 151–165.
4. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум-центр, 1995. 412 с.
5. *Рикер П.* Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М.: Искусство, 1996. 269 с.
6. *Феномен человека.* Антология. М.: Высшая школа, 1993. 347 с.
7. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ад маргинем, 1997. 451 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
УНИВЕРСАЛЬНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА ФРИДРИХА ШЛЕЙЕРМАХЕРА	9
ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА ВИЛЬГЕЛЬМА ДИЛЬТЕЯ	14
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛО- СОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ	18
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	24
Библиографический список	24